

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОНОСЕМАНТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы лексикографической интерпретации фоносемантически маркированной (звукосимволической) лексики современного русского литературного языка, в частности, принципы отбора языкового материала для словаря, отражение в словарном толковании коннотаций, навеянных звучанием слова (фонетического значения). Описана специфика звукосимволических единиц, которая состоит в том, что значение идеофона имеет усложненную структуру и содержит, помимо денотативных и коннотативных сем, *фоносемантический* компонент коннотации, представленный комплексом дополнительных, «надстроечных» по отношению к его понятийному значению эмоционально-экспрессивно-оценочных ассоциаций. Выделено несколько типов соотношения фонетического и лексического значений слова, в том числе: фонетическое значение, формирующее дополнительный эмоционально-оценочный контекст восприятия денотата, взаимодействующее с денотативными или коннотативными семами по принципу наложения и др. С учетом описанных свойств идеофона автором предлагается и обосновывается алгоритм выявления фонетического значения слова. Экспериментальная процедура состоит в том, что 1) на основе фоносемантического анализа звуковой оболочки слова с применением электронной программы ВААЛ выявляются наиболее ярко выраженные параметры его фонетического значения и 2) для каждой из полученных характеристик подбираются вопросы-конкретизаторы. Такая процедура позволяет акцентировать внимание испытуемых не на лексической семантике стимула, а на дополнительных, «фоновых» ассоциациях и ощущениях, вызванных звучанием.

Перспективой исследования является апробация предложенной методики и ее адаптация применительно к анализу других групп звукосимволической лексики.

Ключевые слова: лексикография, фоносемантическая экспрессивность, психолингвистический эксперимент, звукосимволизм

VAULINA I.A.
Ekaterinburg, Russia

PROBLEMS OF LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF PHONOSEMANTS

Abstract. The article discusses the problematic issues of the lexicographic interpretation of the phonosemantically marked (sound symbolic) vocabulary of the modern Russian literary language, in particular, the principles of selecting language material for the dictionary, the reflection in the dictionary interpretation of connotations inspired by the sound of the word (phonetic meaning). The specificity of sound-symbolic units is described, which consists in the fact that the meaning of the ideophone has a complicated structure and contains, in addition to denotative and connotative sem, the phonosemantic component of the connotation, which is represented by a set of additional, “superstructural” in relation to its conceptual meaning of emotional-expressive-evaluative associations. Several types of correlation of the phonetic and lexical meanings of the word are distinguished, including: the phonetic meaning forms an additional emotional-evaluative context for the perception of the denotation, interacts with denotative or connotative semes on the basis of overlapping, etc. Taking into account the described properties of the ideophone, the author proposes and substantiates an algorithm for identifying the phonetic meaning the words. The experimental procedure consists in the following: 1) as a result of phonosemantic analysis of the word’s sound shell using the VAAL electronic program, the most pronounced parameters of its phonetic value are revealed 2) specific questions are selected for each of the characteristics obtained. This procedure allows the subjects to focus not on the lexical semantics of the stimulus, but on additional, “background” associations and sensations caused by sound. The prospect of the study is the testing of the proposed methodology and its adaptation to the analysis of other groups of sound symbolic vocabulary.

Keywords: lexicography, phonosemantic expressivity, psycholinguistic experiment, sound symbolism

Одним из актуальных направлений современной лексикографии является разработка психолингвистических толковых словарей, позволяющих рассмотреть лексическое значение слова «под новым углом», в свете показаний языкового сознания, с учетом не только основных, предметно-понятийных компонен-

тов, но и во всей совокупности коннотативных смыслов, ассоциативных наслоений [Стернин, Рудакова 2012; Рудакова, Коваленко, Стернин 2018]. Если в нормативных толковых словарях представлено *лексикографическое* [Овчинникова 2009, Стернин 2010] значение слова, то психолингвистические словари ориентированы на описание психолингвистического значения, под которым понимается «упорядоченное единство **всех** семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Стернин 2010: 58]. Такое описание коррелирует с понятием ассоциативного потенциала слова как «суммарной ассоциативной валентности, охватывающей различные (динамические) аспекты актуализации вербальных знаков» [Гридина 1996(а): 8-9].

В отличие от ассоциативных словарей, в которых приводится ассоциативное поле слова [Бутова 2012, Гольдин 2004, Гуц 2004, Караулов 2002, Леонтьев 1977, Черкасова 2008 и др.], психолингвистический толковый словарь предполагает формирование словарной дефиниции с выявлением отдельных сем на основе экспериментальных данных [Рудакова, Коваленко, Стернин 2018].

И.А. Стернин предлагает алгоритм создания словарной статьи психолингвистического толкового словаря, включающий в себя несколько этапов: 1) свободный ассоциативный эксперимент, 2) направленный ассоциативный эксперимент (идентификационный, с вопросником, который определяется когнитивными классификаторами: *какой? что делает? для чего нужен?*), 3) дефиниционный эксперимент для выделения субъективно существенных для испытуемых смысловых признаков [Стернин 2010: 60]. По результатам экспериментов строится интегральная модель значения исследуемого слова.

В этой связи считаем необходимым выделить особую группу лексем, звукоизобразительных, интерпретация значения которых составляет определенную сложность, предполагает адаптацию представленной модели или разработку дополнительных исследовательских процедур.

Так, специфика звукоизобразительных лексических единиц обусловлена особой ассоциативной нагруженностью их звуковой оболочки, которая может быть связана, с одной стороны, с

имитацией акустических денотатов (*звукоподражание*), с другой стороны, с созданием фонетическими средствами незвукового, образного представления об означаемом (*звукосимволизм*) [см. Воронин 1982, Журавлев 1974, Левицкий 1994 и др.]. Например, глаголы *гавкать, ворковать, мурлыкать* своим звучанием «напоминают» голоса животных; звуковая оболочка существительных *цаца, фифа, карга* формирует отрицательное представление о человеке.

Проведенные экспериментальные исследования позволили установить, что значение звукоизобразительного слова имеет усложненную структуру и содержит, помимо денотативных и коннотативных сем, *фоносемантический* компонент коннотации, представленный комплексом дополнительных, «надстроечных» по отношению к его понятийному значению эмоционально-экспрессивно-оценочных ассоциаций [Ваулина 2017: 243]. Если звукоподражание предполагает примарную мотивированность, то звукосимволические слова (идеофоны) имеют опосредованную ассоциативную связь между звуком и характером воспринимаемого ощущения.

Звуковая оболочка такого слова может проявлять свою экспрессивную выразительность в разных аспектах: 1) формирует дополнительный эмоционально-оценочный контекст восприятия денотата (ЛЗ+ФЗ¹), 2) взаимодействует с денотативными или коннотативными семами по принципу наложения, усиливая эмоционально-экспрессивно-оценочную выразительность слова (ЛЗ=ФЗ); 3) моделирует денотат, задает вариативность восприятия свойств означаемого в экспрессивно-эмоционально-оценочном регистре (ФЗ>ЛЗ), когда «значения слов практически полностью определяются звукосимволикой» [Гридина 1996(б): 97].; 4) противоречит его лексической семантике и формирует противоположный оценочный вектор восприятия слова (ФЗ ≠ ЛЗ). Фоносемантическими коннотациями может быть обусловлена трансформация значения слова в синхронии и диахронии (различного рода расширения, сужения денотата, «сдвиги» референтной отнесенности и т.д.) [Ваулина 2017: 110-114].

¹ ЛЗ – лексическое значение, ФЗ – фонетическое значение

Сказанное обуславливает необходимость разработки психолингвистического толкового словаря узуальной звукоизобразительной лексики русского литературного языка, отражающего не только семантику языковых единиц данного типа, но и фоносемантические коннотации.

При обращении к словарному описанию звукоизобразительных слов возникает ряд проблемных вопросов.

Один из них – «охват» языкового материала: какие группы звукоизобразительной лексики целесообразно включать в объем словаря? Поскольку звукоподражательные и звукосимволические единицы обладают разным типом фоносемантической мотивированности, они нуждаются в разных способах словарного представления их фонетического значения.

В рамках данного исследования мы рассмотрим проблемы лексикографической интерпретации звукосимволизмов как явления более сложного порядка, ориентированного на индивидуальное языковое сознание.

Отбор лексического материала осуществлялся методом сплошной выборки из базовых толковых словарей (МАС и др.) с опорой на семантические и фонетические критерии идентификации идеофона, описанные в лингвистических работах [Воронин 1982, Журавлев 1974, Шляхова 1991 и др.], и включал в себя такие процедуры, как компонентный анализ словарной статьи с выделением релевантных для звукосимволического слова сем, фоносемантический анализ звуковой оболочки и диагностика ее экспрессивного потенциала с применением электронной системы ВААЛ. Фоносемантический анализ слов проводился нами с опорой на данные о коннотативной маркированности звуков и звукокомплексов, полученные в результате экспериментальных исследований [Воронин 1982, Журавлев 1991, 1974; Левицкий 1998 и др.].

Наиболее сложным является вопрос об установлении и словарном описании фонетического значения идеофона, которое имеет субъективный, ассоциативный характер, проявляется непоследовательно и не всегда поддается процедурам наблюдения и измерения. Известно, что «в слове мы осознаем прежде всего значение. И поэтому, как бы мы ни составляли инструкцию информантам, как бы ни нацеливали их на оценку звучания слова,

они все равно будут реагировать в основном на значение» [Журавлев 1991: 34].

Например, существительное *франт* в МАС имеет следующее значение: «Нарядно, модно одевающийся человек; щеголь» [МАС, 1999, т. IV: 583]. В словарном толковании приводится характеристика лица с точки зрения его предпочтений в одежде. Эмоционально-экспрессивно-оценочные коннотации отсутствуют, стилистических и экспрессивных помет нет. Доказано, что за нечастотным в русском языке согласным [ф] закреплена крайне отрицательная коннотативная окраска [Журавлев 1973], которая усиливается за счет позиции абсолютного начала слова и сочетания с вибрантом [р], создающим эффект неблагозвучности (о сочетаниях такого рода см. [Журавлев 1974, Матвеева 1986 и др.]). Следовательно, звуковая оболочка слова *франт* обладает высокой степенью оценочной экспрессии. Этот вывод подтверждается данными программы ВААЛ, согласно которым слово производит впечатление «*плохого, отталкивающего, страшного, шероховатого, угловатого, злого, темного, тяжелого, грубого, тусклого, печального*». Звуковая оболочка идеофона в данном случае создает дополнительный коннотативный фон, который не закреплён в словаре, но потенциально присутствует в сознании носителей языка: при относительной нейтральности значения существительное обладает ярко выраженной отрицательно-оценочной фоносемантикой.

Свободный ассоциативный эксперимент и эксперимент по методу прямого толкования со словом *франт* позволили выявить лишь стереотипные реакции, маркирующие его системные связи (парадигматические, синтагматические: *щеголь, пижон, денди, мужчина, столичный*); денотативные характеристики (*следующий моде мужчина, празднично одетый человек*), оценочные коннотации (*не к месту, не по сезону одетый; молодой и представительный мужчина, красота, красивый, мужчина самовлюбленный*), реакции, воссоздающие ситуативный контекст восприятия стимула (*мода, стиль, костюм, перчатки, шляпа*) и т.д.

Интересны в данном отношении единицы, обладающие «отрицательной фоносемантикой», когда звуковая оболочка формирует оценочный вектор, не соответствующий лексической семантике слова, ср. *лютый* «Свирепый, кровожадный (о жи-

вотных)// Жестокий, беспощадный (о человеке)» [МАС, 1999, т. II: 211]/ ВААЛ: *хороший, красивый, безопасный, добрый, светлый*. Фоносемантические коннотации в ассоциативном поле не выявляются: «мороз (30), зверь (26), враг (21), холод (6), волк (4), злой (3), холодный, человек (2), ветер, голод, дикий, невежественный, ненависть, парень, противный, псих, свирепый, холод, страшный» [РАС 2002: 302].

Фонетическое значение стимула, как правило, «остаётся за кадром» и поэтому нуждается в специальных методах исследования. Таких экспериментальных процедур, как свободный ассоциативный эксперимент и даже углубленный направленный с универсальным для всех слов вопросом, в большинстве случаев будет недостаточно. Необходима серия экспериментов, позволяющих «переключить» внимание респондентов с узуальной семантики слов-стимулов на «скрытые» звуко-символические коннотации.

Подготовка экспериментального материала для разработки словарной статьи психолингвистического словаря фоносемантов, на наш взгляд, может включать в себя следующие этапы, предполагающие последовательное «углубление слоя ассоциирования»:

1. Свободный ассоциативный эксперимент для установления стереотипов восприятия звуко-символизмов.

2. Эксперимент с применением метода прямого толкования, нацеленный на выявление основных (базовых) компонентов психолингвистического значения стимулов, таких, как денотат и эмоционально-экспрессивно-оценочные коннотации.

3. Серия направленных ассоциативных экспериментов с целью верификации фонетического значения слова.

Ассоциации, полученные в результате первых двух этапов экспериментальной серии, объединялись в группы, маркирующие отдельные семы слова-стимула (к денотату относились оценочно нейтральные реакции, объективирующие предметно-понятийное ядро значения слова, комплекс признаков, выделяющих данное явление в ряду других; к коннотативному компоненту были отнесены реакции, содержащие семы интенсивности, эмоциональности, оценочности, являющиеся дополнительными по отношению к денотату):

Профан «Несведущий в какой-л. области человек» [МАС, 1999, т. III: 540]

Денотат

– наличие знаний, опыта: *Неопытный (2), новичок (2), новичок в каком-либо деле; тот, кто не уверен в себе и своих знаниях, не знающий чего-л., дилетант, любитель; ничего не смыслит в деле, не знает своего дела (11)*

– возраст: *молодой, мальчик (2)*

– область знаний: *химия (2), работа, алгебра, в своем деле (5)*

Коннотативный компонент

1) экспрессивно-интенсивный: *в сильной форме выражено невежество*

2) эмоционально-экспрессивно-оценочный

2.1) отрицательная оценка

– свойства интеллекта, способности (глупый), знания, умения: *дурак (6), глупый (6), простофиля (3), чайник (2), тупой, дурачок, недалекий человек, недалекий, наивный, недотепа, ничего не знает, просто глупый, болван, позорится своим невежеством и не может его скрыть (27)*

– успешность (неуспешный): *неудачник (15), неудача (3), невезучий, промах, неудачник по жизни, лужа (сесть в лужу), проиграть, впросак (24)*

– черты характера, особенности поведения в обществе: *тюфяк (3), он кичится знаниями (4)*

2.2) положительная оценка

– свойства интеллекта, способности: *умный, знаток, умелец; знающий человек (4)*

– черты характера, особенности поведения: *простак (3), простодушный, беззлобный (5)*

Стилистический компонент

Слово, близкое к разговорному; слово сниженного стиля [Ваулина 2019: 39].

Полученные таким образом дефиниции подтверждают тезис И.А. Стернина о том, что «значение слова, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем его представление в словарях» [Стернин 2010: 57].

Исходя из того, что фонетическое значение слова представляет собой комплекс оценочных ассоциаций, навеянных его звучанием, а не семантикой, вопросник для направленного ассоциативного эксперимента следует формировать с опорой на параметры звукосимволической выразительности, выявленные в результате фоносемантического анализа идеофона и его диагностики с применением электронной программы ВААЛ.

Например, существительное *жмот* имеет значение «Прост. Скупой человек, скряга» [МАС, 1999, т. I: 487]. Фоносемантика слова проявляется в следующих направлениях: эмоциональная оценка (образ злого, агрессивного, грубого связан с отрицательной символикой начального согласного [ж]); визуальные ассоциации (доказано, что лабиальный гласный [о] участвует в создании звукового образа большого, округлого, выпуклого «благодаря таким чертам их артикуляции, как округление либо выпячивание губ и увеличение объема ротового резонатора» [Воронин 2009: 98]). Согласно данным ВААЛ, слово воспринимается как нечто «отталкивающее, страшное, злое, темное, тяжелое, грубое, сильное, могучее, большое». Звукосимволика в данном случае может «работать» на формирование дополнительно представления с одной стороны, о свойствах характера человека, с другой стороны, о его внешнем облике и физических качествах. На этих векторах восприятия слова следует сделать акцент при разработке экспериментальной анкеты.

Таким образом, один из возможных способов экспериментальной верификации фонетического значения идеофона состоит в том, что 1) в результате фоносемантического анализа звуковой оболочки слова выявляются наиболее ярко выраженные параметры его фонетического значения (в данном случае – *злой, агрессивный, грубый; большой, округлый; сильный, могучий*); 2) для каждой из полученных характеристик подбираются вопросы-конкретизаторы: *Объясните значение слова. Опишите особенности характера и поведения этого человека. Злой он или добрый? Мягкий, нежный или грубый? Как он выглядит? Полный или худой? Высокого или низкого роста? Какое имеет телосложение (крепкое, мускулистое или слабое, субтильное)?*

Такая процедура позволяет акцентировать внимание испытуемых не на лексической семантике стимула, а на дополни-

тельных, «фоновых» ассоциациях и ощущениях, вызванных звучанием. Ср. в этом аспекте методику «Живое имя» [Конова-лова 2015: 51], ориентированную на рефлексию респондентов относительно ассоциативного наполнения имени собственного.

Узуальное значение слова, представленное в толковых словарях и закрепленное в сознании носителей языка, не дает ответа на подобные вопросы, поэтому респонденты вынуждены опираться на экспрессивную выразительность его звуковой оболочки.

Пилотный эксперимент со студентами УрГПУ (30 человек в возрасте 18-25 лет) позволил проследить корреляцию между выделенными в результате фоносемантического анализа параметрами и полученными реакциями, ср.: 1) **злой, агрессивный, грубый** – агрессивен; очень груб, жестокосерден, невоспитан; в народе могут назвать «суровый мужик», грубый; вечно чем-то недоволен, всегда жалуется на жизнь, живет один; твердо-лобый, бескомпромиссный, беспринципный человек, которого не интересует никто и ничто кроме себя; грубый, неприятный человек; 2) **большой, округлый, сильный, могучий** – большой мужчина; я уже вижу: стоит толстый, как надутый шар, мужик; толстый мужчина невысокого роста; мужчина стар-ый, полный, лысый, хмурый бодибилдер.

Предполагаем, что ассоциации такого типа являются идентификаторами фонетического значения идеофона.

Приведем еще несколько вариантов разработки представленной экспериментальной методики:

Фоносемантический анализ звуковой оболочки слова	Анкета направленного ассоциативного эксперимента
<p><i>Цаца</i> «Прост. пренебр. О том, кто важничает, требует к себе слишком большого внимания, кто доставляет много хлопот и забот» [МАС, 1999, т. IV: 633]</p> <p>Носителем «коннотативного заряда» в звуковой оболочке слова выступает аффриката [ц] [Журавлев 1974, 1991].</p> <p>Отрицательная коннотация</p>	<p><i>Объясните значение слова. Какой это человек? Добрый(ая) он(а) или злой(ая)? Веселый(ая) или грустный(ая)? Как он(а) выглядит (опишите особенности фигуры)? Высокого или низкого роста? Какое имеет телосложение (крепкое, мускулистое или слабое, субтильное)? Какие оттенки он(а) предпочитает в одежде: броские, яр-</i></p>

<p>усиливается за счет редупликации.</p> <p>ВААЛ: <i>плохой, угловатый, злой, низменный, слабый, хилый, маленький, грустный, быстрый, тусклый</i></p>	<p><i>кие или тусклые, приглушенные?</i></p>
<p>Фуфыра «1. Прост. устар. Привередливый, чванливый человек. 2. Прост. Франтиха, щеголиха» [МАС, 1999, т. IV: 589]</p> <p>ВААЛ: <i>плохой, отталкивающий, страшный, шероховатый, угловатый, злой, темный, тяжелый, грубый, тихий, хилый, грустный, медлительный, пассивный, тусклый, печальный</i></p>	<p><i>Как вы представляете себе слово? Оно округлое или угловатое (опишите форму)? Темное или светлое? Какого цвета? Оно легкое или тяжелое? Если это звук, то он тихий или громкий, приятный, мелодичный или резкий, раздражающий? Какое оно на ощупь (шероховатое, гладкое, пушистое, колючее, скользкое и т.д.)? Опишите эмоции, которые вызывает у вас это слово.</i></p>
<p>Вздор «Что-л. несерьезное; ерунда, чепуха» [МАС, 1999, т. I: 166]</p> <p>ВААЛ: <i>шероховатый, величественный, грубый, мужественный, сильный, громкий, храбрый, большой, активный, яркий, радостный</i></p>	<p>Для двух лексем, обладающих тождественным лексическим значением и разной фоносемантической окраской, считаем возможным применить идентичный опросник и сопоставить полученные ассоциативные поля:</p> <p><i>Как вы представляете себе слово? Какое оно на ощупь (шероховатое, гладкое, пушистое, колючее, скользкое, холодное или горячее и т.д.)? Оно скорее яркое или тусклое? С каким цветом ассоциируется? Если это звук, опишите, какой. Какие эмоции вызывает это слово (грусть или радость, страх, скуку, гнев и т.д.)?</i></p>
<p>Чушь «Разг. Вздор, чепуха, нелепость» [МАС, 1999, т. IV: 695]</p> <p>ВААЛ: <i>страшный, шероховатый, угловатый, темный, низменный, слабый, горячий, тихий, тусклый</i></p>	

Предложенная процедура позволяет выявить спектр надстроечных по отношению к узуальному значению слова ассоциаций, спровоцированных особенностями его звучания. Недостатками методики являются, во-первых, ее трудоемкость и высокая временная затратность, поскольку требуется подбор специальных вопросов для каждого стимульного слова отдельно в соответст-

вии с результатами его фонетического и семантического анализа, во-вторых, применимость лишь к небольшому блоку материала: для лексических единиц, у которых фонетическое значение либо представлено в виде дополняющих лексическую семантику характеристик (по типу 1: ЛЗ+ФЗ), либо «моделирует денотат», задает вариативность восприятия свойств означаемого (по типу 3: ФЗ>ЛЗ). Если фонетическое и лексическое значение соотносятся по принципу «наложения» (ФЗ=ЛЗ), возникает вопрос о способах их разграничения в ассоциативном поле. В случае противоречия, контрастирования между ФЗ и ЛЗ превалирующим для респондентов фактором восприятия слова оказывается, бесспорно, его лексическое значение.

Таким образом, в настоящей статье мы рассмотрели лишь небольшой аспект проблемы лексикографической интерпретации звукосимволического слова. Перспективы исследования состоят 1) в апробации предложенной экспериментальной методики и разработке проекта словарной статьи, 2) в разработке процедур экспериментальной верификации других типов соотношения лексического и фонетического значений.

Практическая ценность словаря, учитывающего звукоизобразительные коннотации, определяется возможностью его использования в таких сферах, как

- суггестивная лингвистика: словарь позволяет прогнозировать при разработке текстов эмоциональное воздействие фонетической структуры отдельных слов на подсознание человека (задавать характеристики желаемого воздействия и целенаправленно редактировать тексты для достижения необходимого эффекта; оценивать нагрузку на сенсорные каналы восприятия путем анализа используемой лексики и пр.): создание эмоционального имиджа политика и бизнесмена, составление рекламных статей, поиск брэндов для новых товаров и создаваемых организаций, психо- и гипнотерапия, журналистика, политика и пр.;

- лингвистическая экспертиза: словарь позволяет оценивать уровень агрессивности лексики, используемой в тексте сообщения;

- художественное творчество: оценка фоносемантического ореола используемой лексики для достижения эстетического эффекта, создания яркого, чувственно окрашенного образа;

– преподавательская практика: при разработке вузовских курсов по фоносемантике, психолингвистике, лексикологии.

Литература

Бутакова Л. О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. – Омск, 2012.

Ваулина И. А. Фоносемантическая экспрессивность русского слова: лингвистический и психолингвистический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2017.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Ленинград, 1982.

Гольдин В. Е., Мартыанов А. О., Сдобнова А. П. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты, 2004.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры). Дисс.... д-ра филол. наук. – М., 1996 (а.)

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография. – Екатеринбург, 1996 (б).

Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. – Омск, 2004.

Журавлев А. П. Звук и смысл. – М., 1991.

Журавлев А. П. Фонетическое значение слова. – Л., 1974.

Коновалова Н.И. Психодиагностика речевой способности. – Екатеринбург, 2015.

Левецкий В. В. Фонетическая мотивированность слова // Вопросы языкознания. 1994. № 1.

Леонтьев А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977.

Овчинникова И.Г. Диалог субкультур (концепты деньги и бизнес в сознании молодых россиян) / И.Г. Овчинникова // Я и другой в пространстве текста. – Вып. 2. – Пермь-Любляна, 2009. – С. 261.

Рудакова А. В., Коваленко С. В., Стернин И. А. Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Воронеж, 2018.

Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / Под. ред. Ю.Н. Караулова. – М., 2002.

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – М., 1999.

Стернин И. А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики, 2010, №3.

Стернин И. А., Рудакова А. В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2 (16).

Черкасова Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. – М., 2008.

Шляхова С. С. Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь, 2004.

© Ваулина И.А., 2020

Ваулина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: phonosemant@mail.ru

Vaulina Irina Aleksandrovna Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of General Linguistics and the Russian Language. Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).